

Тем не менее победное шествие силлабо-тоники, приведшее в России за несколько лет к крушению и продолжительной дискредитации процветавшей до тех пор традиции силлабической поэзии, факт все-таки удивительный. Чем же он объясняется?

Тредиаковский отрицает стиховую природу силлабики, за ним следует Ломоносов и уже *de facto* литературная публика. Здесь сказалось не только чрезмерное рвение неопитов к новшествам, но и особенность истории русской культуры XVIII в. Это проявление антитрадиционалистского радикализма, так характерного для реформаторской политики Петра I с ее идеалом «регулярного» государства. В первые годы после смерти Петра это проникает и в литературное сознание,²⁹ что выражается в программе, не предусматривавшей никакой кодификации прежней национальной традиции, как это имело место во Франции и Германии. Напротив, под знаком самоуверенного *ratio* и под влиянием западноевропейского образца прежняя традиция отвергается в пользу традиции новой, которую только еще предстояло создать. В этом отношении «Способ» Тредиаковского, равно как и позднейшее «Письмо о правилах российского стихотворства» Ломоносова и эпистола «О стихотворстве» Сумарокова, близки тем «регламентам», с помощью которых Петр I хотел порвать с прошлым и создать разумный порядок новой России.

Тому же требованию подчиняется и реформа стиха. С полным правом ее можно охарактеризовать как «рациональную регуляцию стиха». ³⁰ Здесь же кроется основная причина ее успеха: она отвечает идеалам петровской культурной революции.

Новый стих должен был быть не только красивее, но и «разумнее», чем старый. Своей равномерной сглаженностью он должен был влиться в рациональную структуру «регулярного» государства. Со всем по-петровски Тредиаковский гордится тем, что именно он первый привел «в порядок» русский стих. ³¹ Тем же представлением объясняется и ригоризм раннего Ломоносова. Вполне сознавая все трудности, он призывает следовать немецкому образцу, используя

²⁹ *Серман И. З.* Просветительство и русская литература первой половины XVIII века // Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века. М.; Л., 1961. С. 32; *Klein J.* Sumarokov und Boileau. Die Epistel «Über die Verskunst» in ihrem Verhältnis zur «Art poétique»: Kontextwechsel als Kategorie der vergleichenden Literaturwissenschaft // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1990. № 50. S. 266, 280.

³⁰ *Пумпянский Л. В.* Очерки по литературе первой половины XVIII века // XVIII век. М.; Л., 1935. С. 99.

³¹ Ср. обе цитаты: *Куник А.* Сборник материалов для истории императорской Академии наук в XVIII веке. СПб., 1865. Т. 1. С. XVIII (примеч. 14), Л. Впервые это выражение встречается у Тредиаковского в речи 14 марта 1735 г. на открытии «Российского собрания», в которой он сообщает о своем намерении в скором времени «привести в порядок» русский стих. *Тредиаковский В. К.* Стихотворения. Л., 1935. С. 332. Ср. также «Способ» и «Предупреждение» к «Псалтири», где речь идет о силлабической эпохе как о времени, когда «стихотворение наше не имело еще правил и не было приведено в порядок». См.: *Шишкин А. Б.* Неизданные тексты В. К. Тредиаковского // Венок Тредиаковскому. Волгоград, 1976. С. 5. «Привести в добрый порядок» — об употреблении этого выражения в указах Петра I см.: *Анисимов Е. В.* Время петровских реформ. М., 1989. С. 235.